

НОВАЯ ПРОЗА

ЛОНДОНСКИЙ ДНЕВНИК

Василина Орлова

издательский дом

Выбор Сенчина

Василина Орлова

**Лондонский дневник.
Вместо автоэтнографии**

«Издательские решения»

Орлова В.

Лондонский дневник. Вместо автоэтнографии / В. Орлова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853363-1

Последние годы одна из основоположниц нового реализма Василина Орлова большую часть времени проводит вне России. Но ее новая книга — не из разряда «наши за границей». По сути, автор на каждой странице ведет речь о России, о своей семье — русских людях, глядящих на родину несколько со стороны. Слово «дневник» не должно сбивать с толку. Это — проза. И тут вспоминаются слова самой Орловой, сказанные когда-то: «Новый реализм мимикрирует под дневник, но это не поток сознания, ни в коем случае».

ISBN 978-5-44-853363-1

© Орлова В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Сентябрь 2010	8
Октябрь 2010	9
Ноябрь 2010	16
Декабрь 2010	22
Январь 2011	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лондонский дневник Вместо автоэтнографии

Василина Орлова

Издательский дом «Выбор Сенчина»

© Василина Орлова, 2017

ISBN 978-5-4485-3363-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Когда путешественница отправляется в дальние страны, она берет с собой блокнот и ручку, или, если дело происходит в начале двадцать первого века, родной, облюбованный, обстуканный ноутбук. И ведет заметки: о нравах и диковинных обычаях чужой стороны, о природе и тех, кого встречает. При всем моем феминизме, в 2010 году я поехала в Лондон по той причине, что муж поступил в Лондонскую Школу Экономики. Разумеется, охотно поехала – все-таки Лондон: холодный, неприветливый, чужой, заманчивый и магический Лондон. У меня был полуторагодовалый ребенок на руках и диссертация по философии на философском факультете МГУ имени М. В. Ломоносова. Я была сильно занята бытом, ребенком, чтением и письмом.

К сожалению, «женские опыты» – опыты определяющие жизнь, в моем случае. Это трудно, очень трудно, совмещать материнство и любую другую деятельность, особенно в первые годы жизни ребенка. Обыкновенно эта часть жизни не получает большого пространства для разговора в контексте академическом ли, литературном ли – как в российских, так, в чем я имела возможность убедиться позднее, учась на программе PhD антропологического факультета Техасского университета в Остине, и в западных. То время, которое я провела в Лондоне – приблизительно восемь месяцев – может составить, в некоторых случаях, достаточный период «полевой работы» антрополога, на основе которого пишется и защищается диссертация, впоследствии перерабатываемая в книжку. Конечно, если антрополог занят чем-либо, каким-нибудь исследованием, и имеет достаточно материала. Жизнь молодой матери с ребенком является исследованием повседневности – подробным, сосредоточенным на деталях, полным повторов, с одной стороны, слегка расслабленным, с другой, проводимом в постоянном напряжении. Что может сказать другим такая жизнь? В чем ее интерес? Такая жизнь воспринимается как не имеющая какой-либо ценности за пределами личных опытов тех, кто в нее вовлечен.

Тем не менее, вернувшись к этим заметкам спустя пять лет после их написания, я склонна объявить жизнь матери исследованием своего рода: и ежедневные события, и трудноуловимые, но неотменяемые различия культур и мировоззрений, и новости из России, Великобритании, и Штатов (в видах бесконечного совершенствования английского языка), и заметки о быте – всё это некое исследование. Как и заметки о ребенке. Конечно же, о ребенке. (Я включила в этот «Дневник» и те записи, которые сделала в России во время летних каникул).

Какой в них интерес? Я адресую эти заметки в первую очередь женщинам, которые проводят много времени с маленькими детьми, любителям внутренних путешествий, и тем, кому, может быть, интересен опыт жизни за границей. Я восстанавливаю эти заметки из небытия как подспорье для рассуждения о постоянстве и эфемерности, ностальгии и доме, практиках национальной принадлежности и идентичности, языке и аффекте смещенности – или перемещенности – перемены места – без-местия.

Почему – «вместо автоэтнографии»? Автоэтнография это вид этнографии, при которой в фокусе рефлексировующего напряжения автора – она сама. Тем не менее, автоэтнография имеет все задачи этнографии, а именно: живление читателя в места, где он никогда не был. Моя «автоэтнография» такой задачи не имеет, и если это получится, то получится само собой. Тем не менее, у этого текста существует ряд поэтико-политических сверхзадач, и одна из них – утверждение значимости незначимой жизни. Я отдаю себе отчет, что мое тогдашнее положение, при всей его, в общем-то, грусти и занудстве – целый день с ребенком, на письмо остаются только его дневные сны, быт, незнакомый город (каким бы прекрасным он ни был) – это все-таки положение бесконечной привилегированности, по сравнению с жизнями миллионов и миллионов россиянок, которые растят юных детей совершенно в других условиях. А нередко

являются и единственными добытчицами, вынуждены еще и работать. Тем не менее, повторность дней, сосредоточение на агукающей жизни, кухня, пеленки, и всё то, чем живет мать и о чем за пределами материнских интернет-форумов мы не имеем столь уж многих письменных свидетельств – это общее у меня и у моих согражданок.

Жанр дневника лукав. С одной стороны, от дневника требуется некий секрет, чувство интимности, открытости какой-то потаенной стороны жизни. С другой стороны, как литературный жанр, дневник существует как обещание потаенности, всегда обманывающее. Не секрет этого жанра, что он часто пишется с прицелом на публикацию, и его адресованность самому себе это иллюзия, которая не в состоянии обмануть даже саму себя. Если прибавить к этому, что современный дневник чаще всего публикуется по мере написания на разнообразных блогплатформах, получится, что перед нами вовсе и не дневник. Тем не менее, жанр этих заметок, вынесенный в заголовок, объясняется просто: основной текст здесь написан давно и последовательно, я лишь слегка его сократила и кое-где переписала. А сноски добавлены, где мне показалось это важным при подготовке этой работы к печати, и они «современные». Иногда они разрастаются в по сути основной текст, и поэтому размер шрифта сносок тот же, что и основного текста. Это такой разговор с самой собой, постмодернистская игра, но также исполненная модернистской серьезности.

2016—2017,

Остин – Москва – Остин

Сентябрь 2010

7 сентября 2010. Пузыри

Сегодня в парке старательно и прилежно выдували мыльные пузыри. Всеволод Детонька ловил пузыри пальчиками, и они лопались ему прямо в лицо. Всеволод в каждом из них предвзвешенно отражался вместе со скамейкой, уже увядающими дубами, голубями, прохожими и мамой.

9 сентября 2010. Где Сева?

– А где Сева? А вот он Сева! А где Сева? Да вот же он – Сева. А Сева знает, где Сева?

Глеб:

– Сева знает, где Сева. Он сам Сева.

20 сентября 2010. Человек

Сева человек прямоходящий. Да, прямо так и ходящий.

24 сентября 2010. Бабушкина комната

Мне другой способ сохранения чего бы то ни было, кроме записи, неизвестен. Вот я сижу в Москве, в баба-Валиной комнате, – в комнате, которая была бабушкиной с тех пор, как она сюда переехала, и теперь уже бабушке не принадлежит. Очень скоро снимут этот красный ковер, очевидно, снимут давно остановившиеся часы, как бы не приехавшие из Ангарска уже остановившимися, все эти сиротливые ящички переберут и едва ли там есть какие-то бумаги, заслуживающие хотя бы того, чтобы храниться в семейном архиве (но я-то все равно постараюсь сохранить записанные бабушкиным нетвердым почерком крупницы «житейской мудрости», так катастрофически граничащие с нашим безумием: рецепты грибных кулебяк и способы обновления блеска шелковой ткани). Постараюсь сохранить, но смогу ли? Мне негде хранить воспоминания, кроме как в собственной памяти, и на электронных страницах. Наша семья столько раз переезжала, что я нигде не могла пустить корни. И Москва, хоть и была бесконечно своим городом, досконально исхоженным и изученным, кажется, все время оставалась чужой.¹ Я даже рада, пожалуй, что не все мои дни пройдут в Москве. В октябре я еду в Лондон.

¹ Кажется, я начала ритуал внутреннего отдаления от Москвы, вне которой, как моллюск вне раковины, я свою жизнь в то время не представляла. Провозглашение Москвы чужим городом, еще отнюдь не прочувствованное, отсылало в будущее, из которого Москва и впрямь покажется чужой. И, хоть это заявление имело под собой реальные основания – не только потому, что мой дом, о котором я думала как о доме, был в деревне Дударков (под Киевом), где жила бабушка Соня, но еще и потому, что Москва едва ли может (я сейчас думаю) казаться по-настоящему своей, даже если, как я, человек вырос в Москве, и опознан, поговору, как москвич, во всех краях русскоговорящего мира. Кто может в действительности сказать, что считает Москву своим городом? Коренные москвичи, возможно? Но и от них она отслаивается, отказывается, увертывается от того, чтобы быть чьей-то. Всегда новая, насколько бы хорошо ни была знакома, Москва сохраняет невозмутимость и отчужденность перед лицом и любви, и ненависти.

Октябрь 2010

20 октября 2010. Регистрация

Лондон. Зарегистрировались в полиции. Промозглое утро. Регистрация, естественно, требуется не для всех, а для приезжих из: бывшего СССР, исламских-арабских стран, Китая, и прочих унтерменшей. Европейцы, американцы и японцы от нее избавлены.² Вежливая рыжая английская девушка терпеливо задавала вопросы, не теряя улыбки, уточнила, правильно ли она написала «Primorsky kraj» – именно «Приморский край» стоит у меня в загранпаспорте как место рождения; весь. Да и что для какого-нибудь англичанина Приморский край? Точка ли это на карте или настоящий край, – не все ли ему равно.

В метро на обратном пути Сева расплакался, ловила сочувственные взгляды и улыбки. Вообще здесь значительно больше прямо смотрят в лицо, чем в Москве. Затем он успокоился, потыкал ближайшую пассажирку в пуговицы, а на улице уснул.

В метро и в супермаркетах, как и на улицах, необычайно много девушек в паранджах всех видов и мастей. В общем-то, здесь такой пестрый котел национальностей и рас, что знаменитый Американский «плавильный тигель» («melting pot»), наверное, не в меньшей степени относится к Европе. А уж коренных лондонцев на улицах, надо полагать, и вовсе немного.

Короче – лимита и понаехали тут. И я, кажется, впервые в жизни в роли понаехавшей иностранки из довольно экзотической страны третьего мира, со всеми вытекающими и выпадающими последствиями.

* Телеграмма для Омурька: на обед у нас был сваренный вчера с вечера гуляш, а на ужин свинина.

21 октября 2010. Ислингтон

Бродили с Севой по совершенно пустынному, практически вымершему Ислингтону. Солнце светило как-то косо, что, учитывая конец октября, еще хорошо с его стороны. Чудесные дверцы, ступеньки, ограды и постриженные кустарники, как будто бы все одинаковые. Так организовывается пространство. Так бывает в селениях: едешь, к примеру, по бесконечной среднерусской низменности, и видишь, как мелькают единообразные деревни. В одной кто-то завел моду красить ставни в ярко-голубой, в другой повелось строить кирпичные дома на две семьи с одинаковыми верандами, в третьей крыльцо делают на один манер, в четвертой красят заборы в зеленый цвет. Кто-то один начинает – другим нравится.

Здесь, как ни странно (хотя, что странного?) – с поправкой на другой уровень жизни – то же. То шахматные кафельные дорожки, то близнецы-горшки, то жестяные козырьки

² Для Гегеля, как известно, существовали народы исторические и вне истории. И, подобно тому, как сам Гегель венчал своей философской системой историю философской мысли, Германия была передовым государством. На идее превосходства белого человека как представителя цивилизации, обогнавшего в своем эволюционном развитии «примитивные народы», выросла антропология, до сих пор не могущая разобраться с наследием своего империалистического колониального прошлого. Идея прав человека, пришедшая на смену идее гражданских прав – порождение неолиберального образа мысли, которая как идеология оформлена в качестве сложной бюрократической системы «включений» и «исключений». Джорджио Агамбен, вслед за Мишелем Фуко, теоретизировал современные принципы биополитики как предполагающие разделение на жизнь биомассы, сиречь жизнь в примитивном смысле этого слова, «зои» («zoe»), и жизнь политическую, «биос» («bios»). Первая не рассматривается государством в качестве собрания индивидуумов, но является топливом для безличной машины, управляемой элитами. Биомасса состоит из собрания менее человеческих (расчеловеченных) особей, и в качестве таковой управляется через бюрократические процедуры регистрации, учета, контроля, санации, наблюдения в целях безопасности и тому подобных процессов. Индивидуумы, граждане, представители политической жизни – правообладающие субъекты биополитики. Это разделение ведет свое начало из самой колыбели просвещенческой мысли, от Локка, для которого существовали те, кто является управляющими, субъектами политики, и те, кем, для их же блага, необходимо управлять, причем последняя категория довольно размыта и, согласно феминистской критике, возможно, включает в себя всех женщин (Локк на этот счет уклончив).

на одной улице – на один лад. Ислингтон один из центральных районов Лондона, и Лондонская Школа Экономики, где на мастерской программе учится Глеб, по стечению обстоятельств располагает одним из особнячков, неотличимых от прочих, в котором обустроено что-то вроде общежития для семейных студентов. Энсон роад как две капли похожа на другие улицы Ислингтона. Мы заняли пристройку, которая появилась позднее основного здания, она уходит во двор таким широким крылом. В пристройке четыре квартиры, и только две из них заняты. Кто наши непосредственные соседи, не знаю, но они приезжие, как и мы, а из тех, кто живет в основном здании, я знакома с двумя другими семьями – это украинцы и англичане: оксфордцы. В обеих семьях поступили жены, а мужья на хозяйстве.

Ислингтон богат на плетистые розы, которые пока цветут, и разнообразные плющи. Один зацепился за мой шарф, и вырвать шарф из его цепких когтей оказалось невозможно, потому что шипы у него наподобие рыболовных крючков, загибаются под острым углом. Пришлось остановиться и аккуратно вынимать снасти из шарфа.

Нынче с Севой варили суп, прообразом которому служил «Суп из бычьих хвостов» из прекрасной повареной книжки, принадлежащей Глебовой маме. В роли бычьих хвостов, отсутствующих по уважительным причинам, выступал не доеденный вчера кусок мяса.

Сегодня ночью соседского ребеночка не было слышно. Зато мы пришли с Севой с прогулки с ором – Сева много ходил, устал и слегка подмерз, дул сильный ветер. Будем считать, это наш ответ-чемберлена.

Поскольку наша небольшая (и довольно холодная) квартира последняя в пристройке, мимо окон никто не ходит. Вид из окна – первый этаж – кусок живописной ограды. Фигурирует дерево, вечный плющ, и соседний кирпичный дом с «дормерами» – Глеб объяснил, что так называются мансардные окна.

Позади дома небольшой двор с пышной травой, барбекюшницей с забытыми с лета остатками углей, столом и стульями, и детской горкой. Сегодня мы с Севой объезжали горку и обкапывали игрушечный трактор – обширный игрушечный автопарк принадлежит семье Эшли, мы уже снискали разрешение распоряжаться им по своему усмотрению.

В квартире две комнаты с довольно холодным полом. Украинская семья рассказывает, на первом этаже особнячка (точнее, на том этаже, который называется в Англии «граунд» и является нулевым, полуподвальным), пол вообще мокрый.

Англичане ходят все время весьма налегке и все время слегка простуженные (судя по их непрерывному чиханию). Как они живут в этих своих заросших плесенью полуподвалах, непонятно. Вероятно, раньше их занимала прислуга.

Условия нашего проживания совершенно деревенские. Отопление и горячая вода бойлерные, стиральной машины нет (стирать принято в прачечных), посудомойной, разумеется, тоже (но есть вполне исправная плита и микроволновка). Глебу пришлось многое здесь подкупить до нашего прибытия. Но многим еще нужно будет разжиться – в основном, из кухонной утвари.

22 октября 2010. Новые знакомые

Привезли почту. Что приятно, домой. Это были, конечно, очередные немецкие слинги (я их коллекционирую). Груз, как уже сказала, доставили прямо под дверь, позвонили, – открыла.

– Вы Глеб Домненко? – строго спросил почтальон.

– Тут не может быть никаких сомнений.

Он спросил, как правильно, но затем все-таки записал «Глеб» в графу «фамилия», а «Домненко» в графу «имя», дал мне электронный экран и стилус для росписи, и отбыл.

Мы с Севой наконец-то открыли песочницу в этом странном, казалось, лишенном песочниц городе. Познакомились с мальчиком двух с половиной лет и его папой. Райли и Крис провели нас по окрестным дворам и показали, где еще есть детские площадки, которые именуются здесь не иначе как парки. Один такой крохотный парчок (я даже не знаю, с чем его сравнить. Кажется, в Москве абсолютное большинство улиц шире, чем этот парк) прямо за оградой нашего заднего двора, но, к сожалению, от нас туда нет двери, нужно обходить ряды домиков.

Крис сделал вежливый комплимент моему английскому:

– Великолепный английский, – сказал он, подумал и добавил, – гораздо лучше, чем мой русский.

– А вы владеете русским?

Он еще подумал и изрек:

– Абрамович!

Вполне достаточно, чтобы объясниться в любой ситуации.

24 октября 2010. Супермаркет

Сегодня мы затыкали дыры в нашем не совсем еще обустроенном быте. Купили крючков на окна (повесив шторы на одно окно, обнаружили, что для второго не хватает крючков, хе-хе-хе), Севе английскую книжку Про Машины, а самое главное, большую-пребольшую кастрюлю, так как в маленьких кастрюльках я каждый день должна была варить что-то новое, что в принципе само по себе хорошо, особенно когда Сева не требует читать ему книг, но всегда прекрасно иметь и большую кастрюлю, тем более, сверкающую. А еще купили пластиковые накладки на острые углы стола, на которые, я все боялась, может нарваться разбежавшийся ребенок.

Кастрюля была немедленно употреблена для варки говядины, а на говяжьем бульоне сварганена похлебка. В магазине было столько прекрасных кастрюлек и форм для выпечки, а также шумовок (здесь у нас пока нет даже шумовки, вот уж не думала, что это сколько-нибудь нужная вещь, пока не обнаружила ее отсутствие), скороварок, фритюрниц, горшочков и разных таинственных приспособлений, о которых мне не всегда было, признаться, известно что бы то ни было. Хорошо бы опробовать кое-что в деле, осталось еще обнаружить, на каких же полках, наконец, в местных супермаркетах зашхерена пшеничная мука, поскольку среди маисовой и кукурузной ее не видно.

Продуктовые супермаркеты, типа «Моррисонс» (вывеску, слегка заслоненную другой, я прочитала сослепу как «Призон») или «Вайтроуз» (кажется, самые дешевые супермаркеты в округе), как и нынешние московские супермаркеты, производят вечное удручающее впечатление шизофренического конвейера. Покупатели – в основном, покупательницы, женщины в хиджабах, некоторая заметная часть – белые женщины с детьми межрасового происхождения.

В супермаркетах я теряюсь. Практически ничего из ассортимента супермаркета мне, когда я попадаю в магазин, не нужно. Почему хождение между полками с галлюциногенными обертками, как считается, имеет терапевтический эффект, мне непонятно. В Лондоне впечатление, что не нужно, более сильное, так как ассортимент больше, обертки ярче, а то, что в них содержится, наводит на размышления: а съедобно ли это, собственно? Может быть, латиница производит на меня впечатление чего-то совершенно чужого. Хождение за продуктами всегда было мне ненавистно. Меня переполняет все это бесконечное разнообразие, огромное количество, ряды и ряды разноцветного, геометрия форм, буквы, цифры, картинки.

На некоторых пакетах нарисован зеленый квадратик с глазами и сообщается, что пакет не пригоден для вторичной переработки, но, поскольку нам небезразлично будущее окружающей среды, мы работаем над этим. Я уже машинально кидаю картон, пластик, бумагу и поли-

этилен во второе мусорное ведро (первое под раковиной – для пищевых отходов), впоследствии это все обещает быть переработанным (мусор выносится в бак в соседнем дворе, где ряд черных контейнеров: для светлого стекла, для коричневого стекла и так далее).

Люди в Лондоне намного спокойнее, медленнее и приветливее, даже в метро, по сравнению в Москвой. Мы получили с Севой уже два приглашения в гости.

Психологически, как выяснилось, мне как-то легче жить на первом этаже, можно открыть дверь и выйти, почему-то перспектива спускаться на лифте с 22 этажа моего Московского дома, равно как и преодолевать две его подъездные двери – как целый пролог к громоздкому действию, в которое превращается любая прогулка с ребенком.

Не так давно рабочие от ЛШЭ заходили починить окна, – оказывается, во фрамуге одного была трещина, – окна здесь, кстати, одинарные, – мы оставили рабочих наедине с их занятием и спокойно ушли гулять. Дверь как в Дударкове, захлопывается на хлипкое подобие замка, впрочем, большего, кажется, и не требуется. В общем, совсем другая жизнь.

Книжки

Здесь у меня несколько русских книжек – разумеется, взятых для Севы. Для себя я взяла из русских книжек, положила в чемодан на икону Богоматери Млекопитательницы, только поваренную, чего более чем достаточно. Ребенок обожает читать и бутерброды с маслом (Глеб говорит, весь в меня).

В основном, мы читаем Самуила Яковлевича, сделанная уже в последние годы, где, наверное, собраны все его основные стихотворения. Мы читаем, как правило, раздел переводов английских песенок. Вторая книжка, которая у нас есть, читаема раза два на день, это русские народные припевки с иллюстрациями Юрия Алексеевича Васнецова. «Ерши-малыши» называется.

Мне лично нравятся Ерши и нравятся переводы английских песенок, а остальное-то у Маршака меня не привлекает. Кстати, Сева тоже не в восторге, уж не знаю, не я ли передаю ему свое отношение. Мне это всё тоже читали в детстве, и я до сих пор помню эти проникновенные песни сталинских лет: то ты глупый мышонок, которого еще более глупая мать предает няньке-кошке, а потом ищет. То ты умный мышонок – тогда твоя участь скрываться от сильных хищников, от кота, хорька, ежей и совы. То ты ежик, но в этом случае ты не хищник, а опять жертва волков. И хоть заканчивается все более-менее хорошо (не всегда!), все равно как-то не по себе.

Собственно, Чуковский не многим лучше (его, правда, у нас пока нет. Мы вообще собирались наскоро и многое нужное из русских книжек не взяли и будем выписывать). Ну с Тараканом-то понятно. Он ушат и страшен. Переметнувшиеся мартышки похватили чемоданы, на рога бы, только шкура дорога, задрожали, *скушали* друг друга и прочее. А легкомысленный воробей, который таракана вот так запросто склевал, ну, это попросту случай. Непростое, короче, было время.³

О нашем времени, впрочем, наверное, еще не то будет когда-нибудь известно. Хотя бы потому что: «Жил у мальчика Вани котик. Ваня наливал котику молочко. Котик молочко лакал, а Ваня кушал яблочко: вкусное яблочко, хрум-хрум». Вот где страх-то

Слингвстреча

Сегодня были на слингвстрече в Финсбери Парке в северной части Лондона, в Ислингтоне. Нам повезло, что эти встречи проходят в получасе ходьбы от нас, можно, впрочем, подъехать автобусом пару остановок. Молодые мамочки и младенцы – привычная среда обитания.⁴

³ Роман Ромов мне указал, что «Таракан» написан в 1921 году.

⁴ Первое, что обнаруживает новоиспеченная мать в Москве – это насколько город не приспособлен к таким формам жизни,

В парке озеро, где стада уток, гусей, голубей, чаек, все это чрезвычайно доверчиво и без всякой опаски подходит и кланчит угощения. Сева мечтал их покормить, но было нечем.

*Телеграмма Омюльку: на обед у нас была тушеная картошка (вчера готовили свинину с картошкой, но вчера же всё и съели), поэтому с колбасой, а вечером жарили индейку. Книга, по которой я готовлю, подразумевает быструю предварительную подготовку и длительный процесс приготовления на медленном огне, – процесс невозмутимого следования дао.

26 октября 2010. Алиса в стране чудес

По тому, как организовано пространство, видно, что Льюис Кэрролл писал Алису в стране чудес и прочих местностях, так сказать, с натуры.

Типическое крыльцо, столь отличное от крыльца в Дударкове, но очень похожее на соседние – это узкая высокая дверь со стеклянными фрагментами, к которой ведет дорожка, застеленная плиткой, окруженная кустарником или цветами с обеих сторон. На крыльце керамические или пластиковые горшки. На двери или стене – латунный или медный номер квартиры.

Октябрьские английские листики с выщербленным кафелем, например – всё это очень живописно и просится на акварели и в стихи.

Я, наверное, уже пригляделась к окрестностям, и вот теперь вижу, что они точно не похожи на наши.

28 Октябрь 2010. Город

Мы с сыном возвращались по Халлоуэй-роуд, было пасмурно. Ветер гнал желтые листья, обертки, пластиковые стаканчики по мощеной плитам мостовой. По улице шли автомобили, грузовики, мотоциклы, иногда проезжал в желтой светоотражающей куртке велосипедист. Окна кирпичных домов с псевдовикторианскими ставнями чернели без света. У старого клуба начинали собираться обломки рокабилли. Прохожие шли по своим делам. Молодая мать, завернутая в паранджу до пят, вела за руки двух смуглых мальчиков. За столиком в открытом кафе сидел, ссутулившись и положив ногу на ногу, молодой господин с начинающейся проплешиной, и стряхивал пепел вонькой сигареты в блюдечко, на котором стояла чашка с кофе. Он не смотрел по сторонам.

Сева ткнул прозрачным пальчиком в кнопку, на электронном табло светофора зажглась надпись «Ждите», и загорелся зеленый. Мне почему-то подумалось, что я могу и полюбить этот город.

Парадайз

Только что вернулись со встречи с девочками на раёне. Съели по шоколадному тортнику в парке Парадайз. Там еще ферма с гусями-лебедями, а Также с козлятами, баранами-овцами,

как матери и дети. Слингвстречи – встречи мам, которые в основном носят детей в слингах, а не возят их в колясках – были моей отдушиной в течение первого года жизни ребенка. Слинг – это огромный, метров пять, кусок цветной ткани, которым слингородитель или слингопечитель приматывает к своему телу дитя. Московские слингомамы – это активные, яркие, веселые мамы-экстремалки, которые зачастую кормят детей грудным молоком до позднего возраста в общественных местах, рожают дома, имеют по многу детей и совершают подобные асоциальные выходы. Пестрая толпа этих молодых женщин, окруженная детьми в какой-нибудь кофейне, разодетая с фантазией и по моде, громко разговаривающая, смеющаяся, с пятиметровыми драпировками на креслах, столах и диванах – отдельное сообщество, достойное самого пристального антропологического рассмотрения, которое было моей последней средой наиболее активного общения в Москве. Помимо образа жизни, которое ведет это сообщество, любопытно, как оно самим фактом своего существования осуществляет феминистические идеи. Молодая активная горожанка, становящаяся матерью, в представлении слингомам не обязательно должна проводить свою жизнь в изоляции: в качестве альтернативы, она может пристегнуть ребенка к себе, всунуть ему в прорезающиеся зубы грудь, и ехать читать лекции, ходить по магазинам, встречаться с подругами, и так далее. Лондонская слинговстреча, по сравнению с Московским брызжущим весельем и грудным молоком собранием, удручила меня своей бедностью и малочисленностью.

кроликами и даже фазанами. Сева всех подробно осмотрел, покормил сеном и поговорил: «Ав-ав». Даже с коровами ребенок разговаривает как с собаками, не взирая на то, что в теории матчасть изучена хорошо по книжкам.

Одна из девочек, Бекки, покупает интернет-магазин, торгующий вещами для «естественного родительства». Я бы и сама с интересом содержала такой магазинчик. Помнится, когда мы готовились ко встрече с Севой, купили множество ненужных вещей: кровать, коляску со съемным блоком, бутылочки для смеси, подогреватель, стерилизатор, запаслись сосками и только что не мобилем. Все это, практически, оказалось не нужным.

Среди фазанов и уток приятно поговорить с прекрасными англичанками. Произношение, конечно, у них сильно отличается от того, которое принято в нашем университете, гыгы.

Приглашение

Вчера получили приглашение от профессора Ричарда Свинберна (Суинберна, как гласит транскрипция в интернете) посетить его в Оксфорде в ответ на мою просьбу о встрече. Я предупредила, что могу прийти не иначе как с семьей. Профессор сказал, что занимает маленькую квартирку, так что семья должна вести себя тихо или сидеть в другой комнате, если мы хотим обстоятельно побеседовать о философии. Я его заверила, что мои мальчики – самые благовоспитанные в мире. А если у меня будет второй ребенок когда-нибудь? Совсем прощай, беседы о философии, только практика и останется.

Сева развоевался, уходя с детской площадки. Крис великодушно предложил нам их коляску (и настала очередь Райли завопить от обиды). На удивление, Сева сел с восторгом и не хотел вылезать. Я толкала коляску, бомоча в свое оправдание что-то несвязное о том, что раньше наши прогулки на движущихся средствах заканчивались тем, что я и ребенка, и само средство волокла на себе. В ответ Крис предложил нам забрать коляску, пока мы не купим свою. Мы, разумеется, отказались, и теперь я погрузилась в тему «Выбрать удобную трость». В каждой из них что-то да не устраивает... Это сложнее многих других выборов! Говорят, колясочные мамы иногда успевают перебрать штук по 20 за детство ребенка.

Готовили овощное рагу, варили кукурузу, делали курицу на гриле, ээ, может что-то еще, короче, Омуплек, не волнуйся, нам есть, что есть.

31 октября 2010. Хеллоуин

По Лондонским улицам расхаживает нечисть, ведьмы в платьях и с разрисованными лицами, – Хеллоуин. Мы протабанили два дня, варили суп, жарили на гриле свинину, гуляли с Севонькой, посменно сидели в интернете, покупали свежий хрустящий хлеб. В той лавке подвернулась форма для выпечки, на которой было написано, что она для выпекания йоркширских пудингов и маффинов. Здесь на всем написано: «Съешь меня», «Выпей меня», «Яд», и прочее.

Пленившись йоркширскими пудингами (хотя Глеб сказал, что как раз йоркширские пудинги наверняка гадость, не знаю, почему он так решил, но с таким убеждением, наверное, знает про них что-то), мы даже приобрели эту совершенно ненужную вещь, форму для пудингов, и сейчас она стоит в духовке, а зреют в ней какие-то плюшки, которым еще мы не придумали названия, но вообще говоря, наверняка *практически* йоркширские. Это мои первые йоркширские пудинги, и я еще не знаю, насколько они йоркширски.

Как и продуктов в супермаркете, в интернете для меня слишком много рецептов. Для пудингов был выбран рецепт песочного теста, половины ингредиентов, как всегда, не было.

Муку мы не так давно раздобыли, по счастью, вместо масла использовалась маслянистая субстанция, на которой написано «Я горжусь, что я британская!» Какая-то «британская намазывательная (спредабл)», словарь слишком далеко (на яндексе).

Поскольку спредабл это что-то сомнительное (к тому ж оно подсолено, само, по природе), еще добавлен маргарин, ну и мука, сахар и немного холодной воды. Яйца я побоялась добавлять, так как их еще нужно было взбивать! В общем! Вмешала в тесто разрезанные на кубики морковь и яблоко, посадила в гнезда от йоркширских пудингов и сию, жду. Надеюсь, они достаточно йоркширские, чтобы быть съедобными, то есть, наоборот.

Оставшиеся яблоки и морковь сварены с рисом и сахаром и теперь представляют собой нечто вроде соуса. Назовем его сироп.

На улице радостное оживление, как перед Новым годом. Только что в дверь постучала маленькая девочка, соседка, с мишурой на голове, в костюмчике, – мы поменялись конфетами.

Сегодня собирались наконец в Лондонскую Национальную галерею (осчастливить Моро визитом), но позвонила сестра с каким-то срочным делом для Глеба и все, к сожалению, отменилось.

Слышно, как на улице поют, а где-то выстрелы салюта. Может быть, еще попозже выйдем на небольшую прогулку.

Ноябрь 2010

2 ноября 2010. Жизнь, подчиненная дисциплине

Встретилась с философом Ричардом Свинберном в Оксфорде.⁵

16 ноября 2010. Туман

Наконец-то, не прошло и месяца, нас посетил знаменитый лондонский туман. Он застал нас с Севонькой в Финсбери-парке, куда мы неожиданно для себя догуляли. Когда мы поняли, что вот-вот дойдем до парка, то в лавке на углу предусмотрительно купили хлеба, чтобы было чем кормить птиц. Чайки дрались в воздухе и хватали куски еще на подлете. Я даже немного испугалась. Хичкок какой-то в этом Финсбери-парке. Утка выклевала кусок хлеба прямо из Севинных рук, он подумал-подумал, потом чрезвычайно медленно и сосредоточенно искривил лицо и заорал. Я взяла его на руки и мы стали смотреть с безопасного расстояния. Сева смотрел с интересом. Слетелись голуби, приплыли огромные лебеди, черношеие гуси, утки всех мастей и размеров. Вся окрестная пернатая фауна кормилась сегодня из Севонькиных ручек.

Итак, спустился туман. На кортах полуневидимые игроки продолжали сражаться в теннис, угадывая мяч по свисту.

Когда мы тронулись восвояси, Сева уже готов был поспать, и я опустила спинку коляски. Он смотрел голубыми глазами на ветки деревьев, проплывающие над ним в тумане. Я тоже на них посмотрела, меня интересовало, что он видит. Ветки были витиеватые, как будто нарисованные. Листья уже осыпались. Иногда в ветвях висели какие-нибудь пучки ягод, сокрестья мелких плодов, метелки семян. Они прорезались в тумане и медленно в туман уходили. Сева смотрел, смотрел и провалился в сон. Мы вышли из парка и на нас обрушился лай, свистки, сигналы, сирены. Автобусы, машины, прохожие появлялись и исчезали в тумане как видения. Я все везла и везла спящего Севу по мощеным тротуарам, туман густел, густел. Вот мы приехали, Сева по-прежнему спит, я поставила коляску у порога (все равно здесь никто не ходит), открыла дверь, села с ноутбуком.

⁵ По свежим следам я ничего не записала. Шесть лет спустя, я не помню, о чем мы говорили. Мой тогдашний весьма несовершенный английский едва позволял мне удерживать нить разговора, к чему примешивался ужас перед собственной отгагой, так как соображения о том, что я не готова к беседе, все-таки не остановили меня от встречи. Свинберн – религиозный философ, человек верующий. Демонстрирует нам, самим фактом существования, что теологическая наука, если в нее совершить интеллектуальные инвестиции и внутренне аффилироваться, – такая же неуязвимая для критики область познания, как и точные науки (неуязвимая – в смысле постоянно уточняющая). Другой вопрос, что для того, чтобы с ней аффилироваться, нужно принять это решение – а его принимают либо на основании собственного религиозного откровения, либо вполне произвольно (диктат социального в данном случае я тоже отношу к произвольному). В моих архивах есть аудиозапись беседы со Свинберном, но пока я не собралась ее расшифровать. И сейчас запишу только курьез: оказалось, что не я одна путаю вторник и четверг (Tuesday и Thursday) в английском. Мы договорились на вторник, дверь открыл удивленный философ: «Мы же договорились на четверг!» *Пошел и проверил свой имейл* – нет, точно на вторник. (Слава богу; допустим, я перепутала бы время, и проделала с семьей, с маленьким ребенком, путь из Лондона в Оксфорд – что тогда?) Глеб выпасал Севу на детской площадке, пока мы со Свинберном сидели в его аккуратном кабинете, заставленном книгами. В доме было прохладно, и он был в трикотажной (темно-зеленой?) жилетке, при галстукке, в пиджаке, – сухопарый, красивый, седой мужчина. Мой листок с приготовленными вопросами, как назло, выпал в электричке, поэтому я отгородилась от светила науки экраном своего ноутбука. Хоть его кабинет был не очень большой, я сидела от него на большом расстоянии – через весь кабинет. Я записываю это чтобы обрисовать внутреннюю дистанцию, которая у меня возникла как результат нашей беседы (впрочем, чрезвычайно вежливой – и хотя Свинберн видел, что с английским у меня не очень, он не пожалел на меня времени). Я сохранила самые волшебные воспоминания об этом визите. Иной мир, мир мне совсем не знакомый – мир английского религиозного мыслителя, Оксфордского преподавателя, жизнь, очевидно подчиненная распорядку, точности, науке, расписанию – приоткрылись мне в ноябрьском Оксфорде.

Когда мы были на Оксфорд-стрит, зашли в пиццерию перекусить. Там дарили детям, как водится, воздушные шары. Сначала мы привязали шар к стульчику, а потом не могли отвязать, и англичанка, сидящая за соседним столиком, с которой Сева весь ужин кокетничал, тронула меня за руку и сделала знак, будто режет ножницами.

– Ну, если у вас есть.

– Я хорошо подготовилась!

И шарик был срезан.

Сейчас он уже поддулся и устремляется не вверх, а вниз.

Крис приглашает нас с Глебом посидеть в пабе. «Не то чтобы это был паб, такой паб, но пожалуй там будет приятно что-нибудь выпить». Из-за Севиной болезни Глебу пришлось перенести дату экзамена (а мне – дату начала занятий английским), но после экзамена я бы с удовольствием посидела в английском даже и не совсем пабе с настоящим живым англичанином.

Глеб очень занят, уходит рано, приходит поздно. Севин режим восстановить пока не удастся, – несмотря на ранние подъемы, он бодр и весел за полночь. Сегодня, к своему ужасу, я и вовсе, вероятно, свела значительную часть усилий насмарку. Сквозь сон сбрасывала один звонок Глеба за другим, не желая просыпаться и даже приводя себе аргументы – если ребенок все равно не спит допоздна, зачем нам рано вставать? Глеб сказал, что теперь станет лично поднимать нас, а не по звонку, а это еще раньше.

Вечером Глеб пытается засыпать в соседней комнате, но это одна номинальность, т.к. здесь довольно прозрачные стеночки, а Сева особенно разговорчив, общителен и игрив именно под вечер.

19 ноября 2010. Простудила

Мы с Севой немного прибаливаем. Простудила дитя в тумане. Почти нет интернета. Ходили в ландретту. Читаем по-английски, ребенок уже лучше на слух воспринимает английскую речь. Раньше возмущенно захлопывал книжку, теперь слушает некоторое время. Узнает «Кук-а-дудл-ду» (так кричат английские петухи). Из интереса почитала кое-что о билингвах, хотя растить билингву не входит в особые планы или намерения. Оказывается, проблема у живущих за рубежом русских семей в основном другая, – не как привить чужой язык (хотя если поздно начинают, то дети в детсаду накрепко отвергают чужака), а как сохранить свой.

Немного занимаюсь GRE, хотя мне рано. Пока слишком сложная лексика. Надо начинать с чего-то более легкого.

Мечтаю походить по Лондонским магазинам и закупить ненужных сумочек. Еще мечтаю посидеть в библиотеке, что гораздо менее исполнимо.

После двух дней отсидки дома, вышли на прогулку. Вернулась мокрая как мышь, – Сева лучше. Ислингтон очень разнообразный, цветной. Ноябрьский, листья уже много с чего осыпались. Очень гейнсбороовские (гейнсборосские? гейнсборусские) краски, прозрачные, с тонами. Привыкаю к картинкам: английская до мозга костей бабушка, в твидовом пальтишке, в очках на цепочке, седая, лопоча что-то, заглядывает в коляску с юным внуком, чья внешность подсказывает его принадлежность к какой-то новой, невиданной расе. Дед с трубкой и сверну-

той «Evening Standard» выгуливает двух быстрых ребятишек англо-арабских кровей. Гуляют за руку блондинка со статным чернокожим аполлоном.

21 ноября 2010. Балерина

Нужно еще записать, что мы познакомились сегодня в кафе с прекрасной английской дамой и ее шестилетним мальчиком. Мальчик подарил Севе двух пластиковых собачек.

– Мне не надо!

Как мы не пытались отдариться, ребенок был очень независимым, очень взрослым. Он играл с Севой, а англичанка вдруг заговорила на русском.

– Если вы хотите отдать ребенка в хорошую школу, нужно записываться уже сейчас. Выберите район, в котором вы, скорее всего, будете жить, и подайте заявления... Вам сколько – полтора? Может быть, куда-то вы уже опоздали...

Интересно, хотели бы мы, чтобы Сева учился в Лондоне? Думаю, здесь немало подводных камней, о которых мы не знаем, всяких чисто лондонских опасностей. Мой отец был переведен в Москву с Дальнего Востока уже сложившимся тридцатилетним человеком, – наверное, о всяких московских подвохах, о том, что здесь можно встретить и чего нужно особенно опасаться, мне в тридцать известно больше него. Что мы знаем, что можем знать о том, чего стоит опасаться в Лондоне? Как выглядит здесь, например, молодежная субкультура, связанная с наркотиками? Кто с кем враждует? Какие невинные поступки влекут за собой непредвиденные последствия?

В полтора года записываться в школу? А в какую школу?

Мы попрощались с дамой и мальчиком, я взяла ее имейл. Оказалась, это была лондонская балерина грузинского происхождения Елена Глуржидзе. Нужно непременно навеститься в ее театр на какой-нибудь балет поторжественнее.

Экзамен

Глеб сдал Американский экзамен для аспирантов – GRE. Он состоит из математики, вербальной части, и двух сочинений. По математике, как и в прошлом году, 800 из 800, по вербальной части больше, чем в прошлом – 510. Результатом он, впрочем, не слишком доволен, но, мне кажется, это уже перфекционизм. Говорит, что хватит с него и больше он растреклятый Джиари сдавать не будет: «А вот тебе придется», – и гомерически хохочет.

Мне придется сдавать математику? Это какой-то осуществленный кошмар родом из шестого класса общеобразовательной школы!

Накануне мы с Севой учинили ему полубессонную ночь, поскольку Сева ни на полстолетия не желал спать, по заведшемся обыкновению.

22 ноября 2010. Новый мир

Просылашала в своем английском захолустье, что журнал «Новый мир» (а заодно и «Вопросы истории») гонят со двора, выселяя из полуаварийного здания в переулке с названием старинным, но не так давно ставшим отвратительным слуху каждого россиянина – Путинковский. Что же, наверное, селят их, наконец, в какое-то подобающее место – отдают, допустим, новомодное здание, по последнему слову оборудованное, выстроенное, хотя бы, в стиле медведевского гламура (если уж по-другому сейчас не строят)? Нет! Вместо того, чтобы с почетом переселить верных служителей словесности в новое здание, просто продают с торгов за каких-то несчастных два миллиона долларов дом, в котором обитает столь тонкий механизм.

Ну как это можно? Неужели эффективные менеджеры способны только рушить то, что создавалось десятилетиями? Да можно как угодно относиться к «Новому миру», «Вопросам истории», («Московским новостям», – которые, кажется, восстанавливаются? Пройдет время, прежде чем удастся сколько-нибудь восполнить их четырехлетнее отсутствие), но пускать

в распыл такие издания никак нельзя, невозможно. Кто причастен к разрушению таких вещей, тот никогда не создаст ничего и бледно подобного. Какой-то общий дух времени генерит эти зеноновские сочленения, неспособные к созиданию. Так и шныряют, гоголя на них нет, какие-то пронырливые личности в галстуках и с папочками, – всё в дорогих ботинках и наодеколенные.⁶

25 ноября 2010. Потеря

Себе уже намного лучше, о чем свидетельствуют:

– раскрашенный маминой помадой ковер;

– разорванный на мелкие клочки рулон салфеток;

– а также факт, что ребенок неоднократно был перехвачен с папиными часами в руках, с телефоном, с другими полезными предметами, деловито направляющимся в туалет, где в последнее время его особенно интересует унитаз.

Унитаз ужасный предмет современного быта. В нем есть что-то пугающее, в этой бесконечной водяной воронке. Он также напоминает матку, какой я видела ее изображение на стене в гинекологическом кабинете.

Мы с Севой сегодня вышли на улицу, еще немного подкашливающие. Англичане ежятся и потирают руки: «Холодно, холодно! Жутко холодно.» Градусов, наверное, те же семь. Тепла, разумеется.

Хотели зайти в *ландретту* (прачечную), но выяснилось, что ключ от нее у Глеба на связке, поэтому пошли поменять шапку в «Мазеркер» (вот такие мы бестолковые родители, не в состоянии ребенку на зиму подобрать одежду, то, что мы подбираем, оказывается то мало, то велико, то кнопки подстежки не подходят к куртке, об обуви вообще молчу), причем размер шапки «1—3 года» был обменян на «5—8 лет».

Я потеряла сбербанковскую карточку, причем, похоже, бессознательно оказалось в курсе этого раньше, чем осознала, во всяком случае на перекрестке вдруг стала повторять стишок:

Lucy Locket lost her pocket,

Kitty Fisher found it;

Not a penny was there in it,

Only ribbon round it.

Люси Локет посеяла кошелек,

Китти Фишер нашла его.

⁶ Никакая критика в адрес журнала «Новый мир», которую я периодически читаю в интернете, не кажется мне состоятельной. И конечно, я пристрастна, будучи автором журнала, но не это меня определяет, или, по крайней мере, не одно это. Доводится слышать, что «Новый мир» по стилю оформления так и не переехал в новое время, наводненное визуальной и звуковой информацией, сверстан-де по доисторическим стандартам. Но приблизительно так и выглядят другие серьезные журналы, от «Культурной антропологии» до «Эконометрики». Если и есть какие-то различия в разметке страницы, они чисто декоративные. Другая линия критической мысли – что «Новый мир» воспроизводит тип литературы, не кажущийся критику самым передовым. Здесь возражение может быть только одно: уничтожение «Нового мира» не вызовет мистическим образом к жизни новейшую литературу или журналы, ее производящие. Издания не занимают никаких якобы существующих «ниш»: «ниши» возникают, расширяются, сужаются, пропадают и вновь возникают. В многоголосом споре дискурсов «ниши» конгруэнтны изданиям: есть издание – есть его ниша, нет издания – нет и ниши. В эссе «Что такое автор?» Фуко предлагает рассматривать дискурсы не в соответствии с романтическими представлениями о модернистской фигуре автора и его намерениях, но в свете вопросов, что определяет те или иные высказывания, кому они выгодны, откуда проистекают, и для чего и какими силами озвучены. Если рассматривать журнал как «автора» дискурсивного высказывания, то идеальный «Новый новый мир», «Новейший мир», так сказать, будет конкурировать скорее с социальными сетями всех мастей, нежели со старым «Новым миром». Таким образом, «Новый мир» может нам *вовсе* не нравиться, но, выступая против «Нового мира», мы выступаем за сужение и обеднение уже *существующего* пространства, а *вовсе* не за его обновление и расширение.

В нем не было ни пенни,
Но зато он был завязан ленточкой.

Мне показалось, что нужно снять немного наличных (хотя вообще-то это чисто рудиментарное побуждение, наличные тут ни к чему, всё и везде оплачивается по карточке, так что в конце концов ее точно вошьют под кожу, чтобы избежать подобных казусов), я стала хлопать по карманам. Еще надевая пальто, решила, что карманы здесь точно недостаточно глубокие, чтобы держать ценные вещи, и вот пожалуйста!

Я вернулась в магазин, внимательно глядя под ноги (по крайней мере, я точно помнила, что извлекала карточку из приемника), расспросила продавщиц, но нигде никаких следов.

Дома перевела деньги на другую карту (бесполезную здесь «мастеркард»), заблокировала потерянную... Как ее восстанавливать отсюда... вообще не представляю...

26 ноября 2010. Таня

Сева стягивает со стола предметы, такие как: чашка с водой, ножик, ручка, фотоаппарат.

Сегодня мы дважды заходили в *ландретту*, но оба раза все стиральные и часть сушильных машинок были заняты.

Говорили по скайпу с Таней Левиной. Сева был очень доволен: ему нравятся взрослые девушки. Таня собирается на конференцию, и, возможно, будет в Лондоне. Ах, как было бы хорошо ее здесь увидеть.

29 ноября 2010. Доктор

Наконец зарегистрировали Севу (и я сама зарегистрировалась) у доктора. Вообще это надо было сделать по приезду, но сначала мы всё как-то откладывали, потом дожидались по почте прививочной карты (которая до сих пор так и не пришла), и вот наконец собрались.

Нас приняли почти на час позже, чем мы были записаны; Глеб тоже опоздал на лекцию, но лектор и не приехал: снова бастует метро.

Перед осмотром нужно было заполнить форму, где, в числе прочей рутины, спрашивалось: не возражаете ли, чтобы ваши органы использовались после вашей смерти для пересадки. *Ресайклинг*. Эгоизм уносить свои печень и почки в могилу, если здесь их можно эргономично переработать. В целом я согласна, но галочку не поставила. Мне надо до этого дозреть.

Быт⁷

Вчера Глеб собирался в библиотеку, но мы ему не дали, – во-первых, долго спали, во-вторых, нужно было все-таки Севе наконец заказать зимнюю одежду, потому что предыдущий костюмчик нам не понравился. Комбинезон заказали аж в Германии, потому что ближе не водится зимних комбинезонов. Этому пришлось уделить полдня.

Сегодня Глеб все-таки ускользнул от нас в библиотеку, поэтому день был похож на будний. Чтение книг, прогулка, дневной сон, обед, чтение книг, игры в мяч, ужин.

⁷ *Быт*, в отличие от *бытия*, бытию противопоставленный, остается словом непереводаемым на английский язык (Светлана Бойм писала об этом в эссе «Советская повседневная культура: оксюморон?» («Soviet Everyday Culture: An Oxymoron?»), а первым заметил, кажется, Бахтин). Каким-то образом быт в российском представлении и практике – родственник *повседневности* – не то многоногая гидра, с которой нужно бесконечно сражаться, не то не стоящий внимания образ воспроизведения жизни – к последнему, как к проявлению мещанства и мирского, относиться можно разве что свысока. Что можно сказать об англоязычной культуре, в которой *быт* отсутствует как категория? Легче ли дается повседневная жизнь людям, определенным в своем образе мысли и действия другими лингвистическими идеологиями? Вероятно, нет. Но быт может быть предметом не только *бытописательства*, к которому также часто относятся свысока, как к некоей недолитературе, но и этнографии, внимательной к эфемерным деталям быстро ускользающей жизни. Цель этнографии – показать жизнь в беспримерных подробностях в надежде, что человек способен посмотреть за пределы этнического и этнокультурного, полового и гендерного, расового и классового, возрастного и временного, социального и политического, а, может быть, в конечном счете даже антропоцентрического в себе.

Сева знает пальчики на руке, когда доходим до мизинца, смеется. Ежика, кошку и собаку он воспроизводить более не желает, также забыл, как слезать с дивана, встает и хочет спрыгнуть. Снимаю и ставлю на пол.

Встречая папу вечером, Сева сначала нажимает на пуговицы пальто, потом снимает с Глеба кепку, надевает сначала сам, потом на меня. Иногда Глеб приносит оголодавшей мне свежую газету. В двух из них читала с продолжением историю с душераздирающими подробностями, как некая пара ушла из ресторана, не оплатив счет в полторы тысячи фунтов. Сообщалось, что Скотланд-ярд приступил к расследованию.

У соседей сегодня смех, разговоры, – гости. Когда мы, возвращаясь с прогулки, проходили мимо кухни, я видела соседку, хлопчущую у плиты, мы обменялись приветствиями.

Декабрь 2010

17 декабря 2010. Эшли

Были в гостях у Эшли, на чае. Они живут в основном корпусе семейного общежития ЛШЭ – старом здании с огромными одинарными окнами, деревянными украшениями на высокой лестнице, которую слегка повело, и деревьями, торчащими в окнах. В семье учится жена – муж сидит с детьми. Точнее, с младшим ребенком, старшая, четырехлетняя, ходит в начальную школу.

Двухлетний мальчик Джошуа – веселый крепыш с глубокой царапиной на носу. Он все время приносил Севе игрушки, Сева милостиво принимал.

Сидя перед нами в кресле, хозяйка говорила о том, что она меньше имеет возможностей и времени учиться, чем ее сокурсники, потому что у нее семья, что она говорила об этом с руководителем, но он ее успокаивал, говоря, что остальные тоже тратят время не на учебу. Она пишет диссертацию, работает неполный день и ведет домашнее хозяйство. Муж здесь тоскует, он оксфордский архитектор. Он тоже работает, но дома проводит больше времени, чем она. Он все время говорил о том, какой прекрасный дом у них в Оксфорде, какой большой, и как там хорошо и уютно, и какие там вообще открытые люди, и как здесь все не так.

Мне совершенно понятны ее чувства, потому что я испытываю похожие. Даже если у современной женщины дети, диплом о высшем образовании, профессия, карьера или какой-никакой успех, она все равно ощущает себя ущербной. Если сидит дома с детьми – мучается, что не работает, живет «на деньги мужа», если выходит на работу или начинает учиться – переживает, что «плохая мать». У меня много таких подруг. Можно сказать, что мир предъявляет ко всем нам обширные требования, и женщина, как часть мира, сама предъявляет – в дополнение к глажке белья, приготовлению обеда, игре с детьми и заботе о муже занимаясь самообразованием.

Брук – так зовут дочь Эшли – ходит в католическую школу. «Ну, я и сама католичка». «Ей нравится». «Я уверена, и вы сделали бы выбор в пользу хорошей католической, а не плохой православной. Здесь мало хороших школ, католические самые лучшие». Обучение в частной школе стоит 15 тысяч фунтов в год. (По сегодняшнему курсу, 719 тысяч рублей.) К слову, массовые протесты студентов связаны с тем, что плату за обучение поднимают до 9 тысяч фунтов в год (для местных студентов). Городские школы бесплатные, в очередь в хорошую школу нужно записывать ребенка чуть не с рождения.

Еще хозяйка рассказывала: «Когда я была беременна сыном, Брук тоже была беременна. У нее была двойня. Она все время говорила, какие волосы будут у Гоги, какие у Лили».

18 декабря 2010. Net interneta

U nas net interneta. Vse horosho. Pishu iz biblioteki. =) Sneg.

21 декабря 2010. Английское удивление

Сегодня у нас в гостях были Эшли и Бонни с двумя детьми. Сева, увидев дядю с бородой, потребовал его спрятать. То есть, Севу спрятать. Но в принципе можно бы и дядю. Но потом Сева как-то вовлекся. Сначала в рисование, а там уж было недалеко до беготни по комнатам.

Англичане не слишком-то довольны жизнью в Англии. В США, говорят, лучше. И жилье дешевле, и за обучение платят стипендию. А здесь на зарплату преподавателя вы не проживете!

Я озвучила им зарплату Глеба, который преподавал в течение четырех лет в МГУ. У них распахнулись глаза на мир. Они долго не хотели верить. Переспрашивали. А не перепутала ли я часом, как будет по-английски «тысяча» и «сотня»? А «неделя» и «месяц» не перепутала? Тоже нет?

А для чего же тогда преподаватель идет на такую работу?

Хороший вопрос. Очень хороший вопрос. Даже не знаешь, что на него ответить...
(Глеб в те годы работал на двух работах, конечно же.)

– А сколько вы платили за жилье? (Так и читалось: «Может быть, при такой зарплате преподавателям дают бесплатное жилье, а на дом приносят горячие обеды?»)

Нет, не приносят? Странно.

22 декабря 2010. Страж подземного мира

Были в Британском музее.

Севонька, как ни странно, был в полном восторге. Оказывается, он уже достаточно большой, чтобы интересоваться древними комиксами на стенах.

Еще мне понравились ассирийские Ашурбанипалы, все как один – вылитый Андрей, по которому я скучаю.

Греческие залы мы пробежали, так как где только не видишь тех греков, хотя Перикла было приятно заметить, как знакомого, с которым пересекался ранее по интернетным делам.

Мне понравился керамический китайский дяденька, зеленый, с маникюром, он был никто иной, как страж загробного мира, а на свитках, которые он держал подмышкой, были запечатлены все гнусности и злодеяния, совершенные умершим человеком. Свитки были не очень объемистые. Впрочем, Глеб говорит, что страж использует свой загробный язык и наверняка архивирует информацию очень компактно.

Вообще музей атмосферный, с красиво расставленными вещами, правдоподобным загробным освещением.

А таблички мне опять не понравились (в Национальной галерее лучше). Здесь снова, как в Пушкинском музее, вместо того чтобы рассказать, какая именно тут сидит, уже спустив одну ногу, мраморная боддхисаттва, что-то пишут про то, что белый мрамор был жутко редок и дорог в такой-то древней провинции.

Музей бесплатный, кстати, и разрешено фотографировать, но платная гардеробная, поэтому все ходят как по вокзалу в куртках и шапках. Вероятно, у посетителей чаще всего просто не находится полтора фунта в кармане на гардероб, ведь тут почти никогда не требуют настоящих денег (только электронные).

Снег

Культурно выпал фотогеничный предрождественский снег. И узенький ход с зеленой калиткой – наш – выглядит как будто мимо, того гляди, проскочит белый кролик с часами.

Англичане говорят, погода не совсем обычная. Но ведь и каждый год снег – что-то необычное. Совершенно неожиданное. В Москве, к примеру.

Аккуратные особнячки, припорошенные рыхлым, пушистым снегом – снег лежит в выбоинах и щербинах кирпичей – напоминают елочные игрушки, пряничные домики в дорогом магазине.

Даже дома типовой застройки имеют здесь собственные имена: «Мальбери хаус» и «Блю-берри корт».

И едва ли не в каждом окне – разубранная елка небывалой красоты. Как на утреннике с дед Морозом.

25 декабря 2010. Сегрегация

Ездили за подарками для родных и соседей, в сравнительно дальний район, который выглядел более бедным, чем Ислингтон. В автобусе было много Черных. Видимо, все-таки социальное разделение проходит здесь где-то очень вблизи от расового. Торговый центр утомил, я вообще к торговым центрам питаю мало нежных чувств, но в Москве, как обнаружилось, они строятся так (и вообще-то в большинстве столиц мира, где доводилось в них забре-

дать), чтобы один раз войти, скинуть верхнюю одежду на коляску или на руку, и прогуливаться от магазина к магазину, не выбираясь на улицу.

Здесь требовалось все время выходить, все построено по тому же принципу, что и Оксфорд-стрит – миллион маленьких магазинчиков с отдельными входами.

Мы простудили ребенка.

Ночью у него вдруг поднялась температура.

Ислингтон чинно встречает свое Рождество. Две-три чопорные хлопущки пыхнули на улице, настала тишина.

По-видимому, мы остались одни в нашей пристройке (в пристройке четыре квартиры, три заселены) – все разъехались на каникулы.

В Лондон модно ездить на новогодние праздники. Что здесь можно делать, ума не приложу. Хоть и не зима-зима, а все-таки холодно. Вчера был резкий ветер.

Лондонцы очень ответственно подходят к праздникам, как ни встречали в последние дни старушку с тележкой – из тележки обязательно торчит два-три рулона праздничной оберточной бумаги, и у каждой кассы, в каждом магазине, вплоть до продуктовых, эти рулоны. В конце концов и мы не устояли и купили этой бумаги, неизвестно для чего. Настригли из нее гирлянд, снежинок, а Глеб вырезал преотличного снеговика. На елку решили в нынешнем году не разоряться. Эх, пойду еще наклею фанариков.

26 декабря 2010. Будущая встреча в Париже

Вчера состоялся рождественский обед. Бонни прекрасно готовит. Мы собирались испечь к празднику рыбу, но испекли курицу.

Брук с порога принесла мне фотографию, на которой она с мальчиком:

– Мой бойфренд, – протянула она нежным голоском пятилетней девушки. – Здесь его уже нет! Но мы с ним встретимся в Париже...

Где-то здесь, в общежитии, был мальчик, ныне увезенный родителями в Лиссабон, и Брук надеется встретиться с ним по прошествии лет в Париже – и возможно ведь, встретится.

У нее блестящее будущее, у этой Брук.

У нас тоже были похожие хлопущки в нашем Советском детстве, их разрываешь, и оттуда как пыхнут конфетти, игрушечные короны и какая-нибудь ерунда – сюрпризик.

Когда мы взрывали хлопущки с Эшли, в виде такого сюрпризика мне попала сантиметровая лента, но вместо того, чтоб сграбастать ее поскорее в карман, я положила ее на стол и, конечно, забыла. А я ей так обрадовалась! Мне как раз не хватает сантиметровой ленты.

Кухня Эшли в основном здании намного больше нашей (в нашей, к примеру, невозможно поставить стол), но все выглядит слегка покосившимся и совершенно неосновательным (так же, как и в доме оксфордского профессора). Обычный (до того известный по телекартинкам. По документальным фильмам с интервью: специалисты по различным вопросам сидят в высоких полосатых креслах, на стенах фотографии в рамках и книги. Обобщаю?) западный быт. Кастрюльки, сгрудившиеся на шкафах, детские игрушки, пластиковые елочные шары (что гораздо практичнее, учитывая аппетиты детей, готовых пожирать стеклянные шишечки и мишек), на кухне открытая духовка – осторожно! – всё пышет жаром, всё кипит, хозяйка мечется от соусов к блюдам, ставит по очереди на стол тарелки, младший ребенок на днях обварился, сунув руку в кипящий суп.

– Здесь все только исключительно традиционно британское, например, вот джем, который подается к индейке, – я вам очень рекомендую попробовать.

Оказывается, у Эшли ирландские корни (что можно было предположить, подавшись стереотипам и поглядев на его медную физиономию в рыжей бороде), а у Бонни – как будто, турецкие (но ведь она говорила о традиционно британской индейке? Их не разберешь!).

Эшли еще долго переводил мне какую-то занудную шутку, выпрыгнувшую из очередной хлопушки. Шутка основывалась на игре не известных мне слов. Я никак не могла вникнуть и сосредоточиться, кивала как китайский болванчик, улыбалась, говорила: «Да-да, понимаю!», и следила за Севой. Сева еще болел и капризничал, Джошуа и Брук гладили Севу по голове, каждый со своей стороны, он надевал колечки на деревянный стерженек и отмахивался от них свободной рукой.

Потом я его унесла, а Глеб еще оставался.

29 декабря 2010. Интерьеры

Вчера ходили по Ислингону в поисках замка. Я как-то видела, проходя в Арквей-центр, в глубине улицы старинный средневековый замок, его-то мы и искали. Оказалось, конечно, то был не замок, а ряд печных труб с торца

Были в музее интерьеров, где экспонировали интерьеры с 1600 годов до нынешнего времени. Нынешнее время самое смешное. Если старинные интерьеры, показанные там, отличались от реальных настолько же, насколько представления искусствоведов об интерьерах 90-х годов отличаются от реальных интерьеров (я реферирую здесь в первую очередь к Российским музеям, ибо Советские интерьеры мне известны не по наслышке), то мало что из увиденного соответствует действительности.⁸ Однако выяснилось, что раньше полуподвальные помещения – а в них живет чуть ли не четверть лондонцев. Во всяком случае, почти в каждом доме здесь есть подвал, и в нем живут люди – в богатых домах использовались под кухни.

(И, вероятно, как место для жизни прислуги). Во всяком случае, на кухнях работала прислуга. Вообще трудно представить, как можно в Лондонском климате жить или готовить в подвале. Даже на нашем первом, не подвальном, этаже, довольно сыро.

Сева был, как и в прошлом музее, всем заинтересован.

Через забор от нас живет музыкант. Он очень хорошо играет на электрическом пианино (вряд ли то был синтезатор).

30 декабря 2010. Дирхэмы

⁸ Материальность интерьера – это материальность быта, схватившиеся в виде объектов реалии жизни, портрет живущего в материальной глубине агломерации предметов человеческого существа, поэтому они так важны. В интерьерах «записано», что считается удобным, важным, нужным, своевременным и современным в той или иной культуре и историческом периоде. Бенъямин в «Аркадах» посвятил множество фрагментов интерьерам, но самое интересное, пожалуй – это что интерьер и экстерьер, дом и улица, в некоторых формах «социального пребывания» («community dwelling») совпадают. К примеру, анфилада магазинов, те самые аркады, именно таковы, они и место частной, и публичной жизни. Интерьер частного пространства это место, в котором происходит выстраивание укромной идентичности, не на потребу, а для ежедневного пребывания в мире. Нет неважных вещей в интерьере – обои, книги, пластинки, техника, предметы повседневного пользования, ковры, шторы, объекты с их текстурами, освещение, то трудноопределимое, что называется атмосферой, – это материальные проявления утопии. Имеет ли приоритет общественное или индивидуальное? Потребление или бытие? Уют или утилитарность? Эти и многие другие вопросы решены в интерьерах исторического периода, страны, представителей различных социальных слоев, полов и рас. Токсичные условия жизни непривилегированных – и продуманные до мелочей удобства высших слоев, конструируют аффект «места». Что это значит, находиться где-либо? В некоем месте, которое занимает место, осуществляется в пространстве? Это значит находиться в окружении предметов, несущих на себе следы: написанные на них истории приобретения, ценность, рыночную и сентиментальную, дату и распознаваемую для специалистов географическую локацию их производства, и так далее. Миллиард характеристик окружающего вещного мира, которые предъявляют себя без предъявления, не отчетливым для нас образом, спонтанно.

У нас в гостях были Бекки Дирхэм и молодой Финн Дирхэм (пятнадцати месяцев от роду).

31 декабря 2010. Кухня

Глеб задумал печь пирожные в корзинках. Он заказал накануне все ингредиенты, включая ягоды, которые нужно класть в желатин, а также изучил рецепты теста. Корзинки в процессе выпечки стекли внутрь.

– Но это же полный провал! Что ты смеешься, я не понимаю?

Еще он задумал сделать салат оливье и селедку под шубой.

– Какой же русский стол без салата оливье! И селедки под шубой.

– А ты свеклу купил? Я ее не видела в холодильнике.

– Нет. Ну хорошо, обойдемся оливье. А ты успеешь нарезать ингредиенты, пока мы с Севой гуляем?

Только что нам принесли вино в коробке, на коробке адрес и имя Глеба, в коробке какой-то темно-зеленый «Naton Classic» – ни обратного адреса, ни счета. Глеб пробормотал: «Может, это нацпроект такой – доставлять всем вина на Новый год?»

Оказалось, подарок от родителей Глеба.

Январь 2011

18 января 2011. Прачечная

Ох уж эта *ландретта*... таскайся туда целый день. В общежитии завелось обыкновение, если машинка достирала, вынимать из нее чужие вещи, складывать куда придется, и загружать свои. Машинок всего три, и они вечно заняты. Однажды чья-то добрая душа не только извлекла, но и подняла труд запихнуть в сушилку и нажать на кнопку «пуск» мой шарфик, для сушилки не предназначенный... С тех пор мы стали оставлять записки: если машинка достирала, пожалуйста, не вынимайте белье – позвоните по такому-то номеру.

Доставать белье перестали. А сегодня даже позвонили и сказали, что все достиралось.

Я побежала, оставив спящего Севу. Прихожу – две машинки пустые, и та, которую я загружала, стоит мигает – показывает конец программы. Я-то думала, машинка срочно понадобилась – нет, это просто кто-то не пожалел времени оповестить, что можно перекладывать белье в сушку. Прямо коммунизм какой-то.

19 января 2011. Игрушка

Как-то случайно купили Севе игрушку – трубку пластиковую, внутри цветной спирале-видный винт, и на концах по чашке петри, типа того, но без крышки, в общем, странноватая, но в целом бесхитростная вещь для младенцев, переливать воду в ванной. Игрушка неожиданно стала любимым Севиным инструментом для пипетирования. Он приспособил ее для тысячи затей, но самая удачная – отвинтив одну чашку, ставить ее на слив, отчего спираль внутри начинает вращаться. Сева занимается своей алхимической риторикой с такой серьезностью, что я невольно испытываю беспокойство: что же я за вещь притащила в дом? Каково, так сказать, ее действительное предназначение.

Вчера гуляли в Виттингтон-парке. На сей раз Сева терял интерес к объекту быстрее, чем добежал до него. Было заметно, что, пока он бежит к карусели, он успевает мысленно на ней прокрутиться, и она лишается всякой привлекательности. Так он метался между качелями и горками, так что приходилось предлагать ему осуществить хоть одно-два развлечения. И я подумала, это великолепная модель желаний человека: они теряют всякую привлекательность, как только становится понятно, что они осуществимы. Наше воображение нас всё время обгоняет.

21 января 2011. Отношение к детям

Давно хотела написать о том, что мне более всего бросилось в глаза в качестве различия между Россией и Англией, Москвой и Лондоном – об отношении к детям.

Считаю, что невозможно рассчитывать на то, что из нынешних детей в России вырастут свободные взрослые, потому что дети возвращаются несвободными и укоренеными в своей несвободе взрослыми людьми.

Любая прогулка на детской площадке с момента, когда Сева стал интересоваться песочницами и обществом, была для меня пыткой, потому что всякое невинное развлечение детей проходило под непрерывное задалбывание взрослых: «Не ходи туда, не надо, не смей, испачкаешься, ну вот, уже испачкался, я же говорила, зачем ты отнял у него игрушку, сейчас же отдай, зачем ты развалил пирамидку, немедленно надень шапку». Этот речитатив, унылый монолог, однообразные заклинания сопровождают ребенка с самых малых лет; непрерывная песня, каскад негативных пророчеств – то, в чем он растет.

Я уж не говорю о той обстановке, в которую попадает молодая мать в Российском обществе. Буквально всякий вокруг нее знает намного лучше нее самой, как ей воспитывать ребенка, что ему есть, как его одевать, гулять или нет в мороз, что есть ей самой, а уж о том, почему ребенка нельзя носить на руках или тем более в слингах – наслушаешься.

Здесь в Англии за два с половиной месяца пребывания я услышала только одно замечание в свой адрес и в адрес своего ребенка. Что характерно, это замечание прозвучало по-русски. Оно исходило от молодой русской женщины, которая не только считала, что в автобусе чужому ребенку стоит надеть шапку, но также что мне необходимо быть в курсе ее мнения.

В Лондоне, насколько я могу судить по своему многочасовому опыту пребывания на детских площадках, никто не одергивает детей, своих или чужих, не делает им пустых замечаний. И когда в том же автобусе чуть ли не пятилетний уже мальчик в коляске (здесь отчего-то принято возить детей чуть до школьного возраста в колясках) хватал Глеба за штанину, мать не поторопилась его одернуть. Уж конечно в России *безопаснее* для матери самой, первой одернуть ребенка до того, как это, еще не известно в каких выражениях, сделает синклит каких-нибудь посторонних старух, которым достоверно известно, как не приучать ребенка к рукам, вовремя отлучить от груди и обеспечить ему в течение детства как можно меньше телесного контакта, чтобы он ненароком не вырос чересчур зависимым или несамостоятельным.

Конечно, и в Англии, как я посмотрю, большие разногласия между сторонниками того, что в последнее время называется «естественным родительством» и школой взращивания детей в дисциплинирующей системе воспитания. Не далее как вчера в «Ивнинг стандарт» британские врачи предупреждали матерей, что нельзя кормить ребенка исключительно грудным молоком в течение первых шести месяцев жизни младенца, во избежание риска развития аллергий. Правда, конкретной альтернативы не предлагалось. В так называемом развитом мире естественные отношения между матерью и младенцем реконструируются как располагающиеся на грани полового извращения. Куда успокоительнее андрогинная бутылочка, предварительно простерилизованная, а то и не простерилизованная, с чем-то сложно-химическим по составу, иммунно-модулирующим и стимулирующим, со вполне обезличенной соской, профессионалами коммодификации всего приспособленной, в отличие от некультурного, ужасного женского соска, для формирования челюстно-лицевой области и речевого аппарата.

Но все-таки до ужаса не хочется помещать Севу обратно в московскую детскую площадку. И, главное, есть ли выход из подобной безысходности? Ведь невозможно создать маленький куст благополучных деток, общающихся друг с другом в иной модальности, – помещение в оранжерею выглядит еще менее привлекательным, чем перспектива поселиться в одной песочнице с нервными мамами и полностью игнорирующими поток их несмолкающих предупреждений детьми.

23 января 2011. Благополучие сытого Запада

Лондон очень богатый город, просто очень богатый, одних ресторанов и магазинов, сверкающих ценниками, содержащими немислимое количество нулей, на вещах весьма похожих на те, что продаются в ближайших «демократических» заведениях, – море разлитое.

В Москве, в сущности, их не меньше, а может быть, даже больше, ведь Москва частным образом богата недавним богатством. А Лондон и богат, и беден уже не первый век. Человеку, относящемуся здесь к среднему классу (моя семья к нему далеко не относится по уровню доходов), комфортно и без уровня потребления, которое бы превышало его возможности: можно прекрасно в «Притти менеджер» (мы так прозвали «Прет-а мангер», местную бутербродную) перекусывать во время прогулок между музеями и улицами, и везде будет царить то же довольство жизнью. Та же расслабленность, вальяжность, спокойствие в позах, лицах, походках – у тех, разумеется, кому доходы позволяют по крайней мере местный общепит.

Сева с минуту нажимал на «энтер» на кассе после пинкода – все стояли, улыбались: продавец, очередь (впрочем, небольшая). Как-то так улыбались они, что невольно думалось: мда, не было у вас ни 17 года, ни 30-х, ни в общем-то 40-х, ни девяностых-нулевых, которые в каком-то смысле стоили, возможно, всех перечисленных вместе взятых, да и сейчас нисколько не думают сами собой внезапно перетечь в золотое время, не взирая ни на какие гомерические нано-разработки.

Не было, не было. Хоть что-то и тут было... ээ... Кромвель там, то-се.

24 января 2011. Теракт в Домодедово

Только что узнали о теракте в Домодедово.

И о том, что таксисты требовали 10—20 тысяч рублей (я, конечно, не хочу этому верить, но придумать это нельзя), чтобы доставить из Домодедово в Москву.

Если правда, то, не знаю, что, эти граждане – не прожили бы без 10 тысяч? Или даже 20.

Интересно, на что можно потратить 20 тысяч *таких* рублей. Дубленку, к примеру, купить? Сотовый, может быть, телефон? А кому звонить по такому сотовому-то.

26 января 2011. Анна Яблонская

Как-то один маленький мальчик играл в террористов. Он взрывал свои игрушечные самолеты. Вот его террористы тоже ничего не требовали. Зачем, когда просто можно жахнуть.

Какой-то, прости господи, детский терроризм – бессознательный. Просто «мне плохо – пусть всем будет плохо». Террор не как угроза, не как инструмент, не для вымогательства – а так, непонятно для чего, из мести неизвестно кому и чему.

Но то, что он из подземок и из сонных полуночных многоквартирников, через театры и школы, переместился в аэропорт, должно значить, по всей видимости, символическое – что из внутрироссийского анклава он выходит на мировой уровень. Уж как может. Хотя бы в зал прилета международного аэропорта.

Что особенно тревожно, так это то, что нет возмущения. Во всяком случае, я его не испытываю. Прекрасно помню свои эмоции, когда в первый раз взорвали в московском метро – возмущение, гнев, злость. А сейчас испытываешь какую-то тупую усталость и недоумение. Зачем?

Теракт в Домодедово оказался для меня небезличным. В теракте погибла Аня Яблонская. Драматург, поэт. Двадцатидевятилетняя. Одесситка. Она премию прилетела в Москву получать...

Я как-то читала одну ее подборку – помню, даже не освежая в памяти, из нее выражение «четверть дыма». Мы чуть-чуть переписывались. Познакомились лично, виделись пару раз. И от нее исходило тепло, я помню это ощущение, она очень была светлая, теплая, светила прямо.

У меня нет слов. Сил Аниной семье. У нее осталась маленькая дочь.

27 января 2011. Видео на мобильный телефон как ответ на чрезвычайную ситуацию

Николай спрашивает, виноват ли «кровавый гэбистский», «так ненавистный вам» «режим», в том, что очевидцы, вместо того, чтобы выносить раненых, снимали на видео происходящее. Ответ – ответственность частных лиц это ответственность в том числе современной им (нам) социально-политической государственной формации. Мы создаем формацию, формация формирует нас. Я бы назвала современную Российскую формацию анти-неолиберализмом: при всех недостатках неолиберализма, это даже не неолиберализм в собственном смысле слова, если не считать самоустранения государства из всех сфер частной жизни.

За последние двадцать лет реформ население России серьезно сократилось. Можно найти цифры в интернете, на сайте Федеральной службы государственной статистики. Сейчас,

к примеру, в стране число беспризорников сравнимо с числом беспризорников после Великой Отечественной войны. У нас в стране была, продолжается и не собирается заканчиваться настоящая война, в которой есть, по меркам военного времени, и преступники, и жертвы. Навряд ли преступники дождутся Нюрнбергского трибунала, потому что война – гражданская, но то, что они его достойны, у меня лично сомнений не вызывает.

Я видела, в каком состоянии находятся больницы в селах, районах, средних и мелких городах. В каком состоянии детские дома, школы, медицинские учреждения, дома престарелых, тюрьмы, колонии, психиатрические больницы. Вы имеете об этом представление? Представьте себе, в каком состоянии в большинстве русских городов сейчас производство. Есть ли оно там, вообще. Есть ли места, где можно работать и обеспечивать семью.

Какой, для обыкновенного гражданина, по-вашему, выход? Помимо, разумеется, всегдашней озлобленности и глубокого чувства собственной ненужности. Что, так сказать, реально можно сделать? Поехать в Москву на заработки? И затем сдирать в панике с уезжающих из взорванного Домодедово 20 тысяч рублей, как те таксисты? (Полагаю, впрочем, что как раз таксисты не из числа тех граждан, которые непосредственно серьезно страдают от вкратце описанного мной положения в стране).

Позволю себе поделиться впечатлением от недавно прочитанной заметки в английской газете. Сообщалось, что мать оставила своего ребенка в роддоме. Сообщалось с неподдельным ужасом, а происшествие названо «перехватывающим дыхание». Вы знаете, у меня давно не перехватывает дыхание, когда я читаю по-русски о том, как мать задушила собственного ребенка и выбросила тельце в мусорный бак. Я лежала «на сохранении» в «инфекционке» (так ее назвали в скорой помощи), в 36 городской больнице, в которой персонал был так занят, что у него не было времени (впрочем, и квалификации) возиться со мной, объясняя, что новые лекарства не совместимы с невинными витаминами Д, которые я принимала и которые, как мне сказали, принимать можно, так что, пока я не допросилась инструкции от того, что мне вливали, у меня чернело в глазах. Теперь, когда мне все-таки удалось родить, и достаточно здорового, ребенка, я, разумеется, считаю, что это пустяки, особенно в сравнении с тем, как в приемном покое плакала старуха, потому что дочь отказалась от ребенка, или в коридоре женщина, опомнившись спустя четыре месяца после того, как отказалась от собственной дочери, беседовала с милиционером в попытках теперь ее отыскать, описывая ее так: «Она была очень маленькая...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.